
ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В АРХАИЧЕСКОМ РИТУАЛЕ

М.А. Воронкина

Кафедра языкознания и иностранных языков
Ростовский филиал ГОУ ВПО «Российская академия правосудия»
пр. Ленина, 66, Ростов-на-Дону, Россия, 344038

Статья посвящена некоторым особенностям невербального аффективного взаимодействия в пространстве коммуникативного по своей природе архаического ритуала.

Ключевые слова: архаический ритуал, коммуникативный акт, эмпатическая интеракция, иллюкуция, перлюкуция.

Актуальность темы исследования определяется существенной (если не решающей) ролью архаического ритуала, — одной из культурных универсалий [2. С. 12] — в генезисе и становлении естественного языка и речи — проблеме, все еще остающейся дискуссионной в современном языкознании. Общеизвестна и ритуальная теория глоттогенеза, предложенная отечественными исследователями (ср. работы В.Н. Топорова, Вяч.Вс. Иванова). Названная теория интересна и перспективна с точки зрения дальнейшей разработки. Наиболее плодотворным представляется восстановление всех этапов предполагаемой данной теорией трансформации «предритуала» животных в вербальную форму человеческого взаимодействия. Реконструкции одной из переходных форм невербальной коммуникации — эмпатической интеракции, — следы которой обнаруживаются в архаическом ритуале, и посвящена данная статья. Ее главная цель — привлечь внимание к проблеме, а не решить ее.

Семиотики понимают ритуал как текст, насыщенный мнемонико-сакральными символами, функцию которых выполняют самые разнообразные материальные предметы. Эти символы, по Ю.М. Лотману, имеющие между собой специфические семантические связи, «включаются не в словесный текст, а в текст ритуала» [6. С. 367].

Однако хорошо известно, что помимо того, что эти предметы наделяются определенными смыслами, они включаются в ритуальное взаимодействие в качестве основных коммуникантов: им приписываются функции то адресатов, то адресантов ритуальных сообщений. Таковыми становятся то алтарь, то жертвенный столп, то топор, то сама жертва. У последней, к примеру, необходимо испросить согласия быть принесенной богам, ибо без него она не может быть принята. Как знак согласия истолковывается жест — кивок головой, для чего животному подносится емкость с водой.

Во время действия жрец поочередно обращается к ритуальным предметам, преследуя различные коммуникативные цели. Так, интересна целая серия единообразных по форме фрагментов текстов Яджурведы (Веды жертвенных формул *яджусов*), получившая название *śanti* — «успокоение». Адресатом соответству-

ющих заклинаний выступают те ритуальные предметы, в отношении которых в ходе церемонии совершаются насильственные действия, понимаемые традицией как нарушение целостности и «причинение вреда» этим предметам [13; 15]. Это далеко не только сама жертва и не только одушевленные предметы, но и дерево для жертвенного столпа, зерно, которое перемальвывается для жертвенного пирога, земля, раскапываемая для алтаря, очаг, которому может быть «причинен вред» огнем, даже отдельные органы уже умерщвленной жертвы, например ее сальник. К каждому предмету жрец обращается в форме вокатива: о, дерево, о, яма и пр.

Обращения в своей фатической функции, как хорошо известно, необходимы для установления контакта. Назначение фатических элементов — попытка влиять на происходящее. Сам факт их частого использования по отношению к названным предметам свидетельствует о том, что в ритуале данным объектам приписывается функция адресата. При этом большинство заклинаний Яджурведы представлены в желательном наклонении (оптативе). Форма заклинаний позволяет судить о перлокуции, т.е. об интеракционном эффекте, ожидаемом от адресата в лице того или иного ритуального объекта, а также об иллокуции: влиянии, которое на него пытаются оказать.

В соответствии с повсеместно распространенными анимистическими представлениями различные ритуальные объекты как сами участники действия имеют в ритуале теоморфные эквиваленты, когда «вместо указанных предметов выступают различные божества и мифологические персонажи. Иначе говоря, в последнем случае божество сливается с выполняющим определенные функции символическим предметом» [8. С. 20].

Другими словами, в архаическом сознании объекты ритуала олицетворялись, одухотворялись и обожествлялись, что и позволяло участникам ритуального действия идентифицировать их как коммуникантов. Здесь нам важен не столько *факт* коммуникации (от того, имел ли он место в действительности, мы абстрагируемся), сколько сама ее *презумпция*. Последняя же для ритуального сознания очевидна.

Это позволяет сделать вывод о коммуникативной природе ритуала.

Действительно, для носителя космологического мировоззрения и мироощущения ритуал понимался как обмен между мирами: миром людей и божественным миром бессмертных — обмен дарами, энергией, наконец, информацией, смыслами, сакральным знанием. Этот обмен носил дискретный характер.

Таким образом, ритуал в архаическом сознании рассматривался основным каналом общения между миром человека и неким иным, сакральным миром. Прагматика такого рода коммуникации очевидна: от божества ожидают ниспослания здоровья, благополучия, потомства, тучных стад, лучшей посмертной участи и пр. Получение искомых благ и служило основным критерием эффективности ритуального взаимодействия. В соответствии с такой прагматикой избирались и его коммуникативные стратегии.

Примечательной чертой такой интеракции является часто отмечаемая «значительная доля невербальных приемов» в ритуальной коммуникации [7. С. 19], хотя наиболее интересны и наименее исследованы свойственные ей элементы

эмпатического взаимодействия. В психологии эмпатией называют непосредственный эмоциональный отклик на переживания другого лица, возникающий независимо и до осознания смысла таких переживаний, умение поставить себя на его место, говоря обыденным языком, сочувствие. «Быть в состоянии эмпатии, — пишет К. Роджерс, — означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков. Как будто становишься этим другим, но без потери ощущения «как будто». Так, ощущаешь радость или боль другого, как он их ощущает, и воспринимаешь их причины, как он их воспринимает» [14. С. 2]. Важно, что эмпатия в соответствии с современными научными представлениями рассматривается именно как «коммуникативный навык» [4]. Внимания заслуживает и *взаимный* характер интеракции, когда эмпатию определяют как «способность понимать и проникать в мир другого человека, а также *передать ему это понимание* (курсив наш — М.В.)» [4].

Подобного рода невербальное взаимодействие представляет собой характерную этнокультурную особенность коммуникации в некоторых экзотических традициях и описано в соответствующей литературе.

Одним из наиболее характерных признаков ритуального взаимодействия и связанного с ним мифопоэтического мышления традиционно называют неотделимость, слитность «субъекта и объекта, познаваемого мира и познающего этот мир человека» [10. С. 234]. Здесь весьма характерным представляется ведийский ритуальный принцип познания *tat tvam asi* („ты есть то“), фиксирующий состояние самоидентификации участников ритуала с его объектами. Можно упомянуть и связанную с понятием *ли* (礼) китайскую метафору пустого ритуального сосуда, которому уподобляется человеческое тело или разум — вместилище ритуальных образов. Нами было показано, что самоотождествление участников ритуального действия с ритуальными объектами и образами неизбежно было сопряжено с элементами эмпатии, сопереживания им вплоть до едва ли не полного чувственного перевоплощения в эти образы, что является необходимым и непременным условием ритуального общения [подр. см. 1].

Интерес вызывает и повсеместно распространенное переживание острого чувства сострадания жертве как центральный мотив таинства. При этом сама жертва парадоксально отождествляется в сознании участников с божеством, которому посвящается.

Другой особенностью ритуала является трудноразрешимое для современного человека совпадение «многих имен у одного и того же явления, в частности описание этого явления несколькими, казалось бы, несовместимыми друг с другом образами и названиями этих образов» [3. С. 7]. Это, прежде всего, касается именно ритуальных объектов, которым, как было показано, и приписывается функция коммуникантов. Объяснение этому явлению находят в «настоятельной необходимости использования двух или более различных способов описания одного явления» [3. С. 8]. Применительно к ритуалу обращает на себя внимание тот факт, что в разных ритуальных контекстах различные свойства одного и того же объ-

екта выходят на первый план в такой мере, что возникает иллюзия совершенно различных объектов.

Иначе говоря, в акте эмпатического взаимодействия с ними эти объекты переживаются совершенно по-разному в зависимости от иллюкутивной и перлокутивной сторон интерактивного воздействия участников ритуала на эти объекты.

Общеизвестные многочисленные примеры родственного эмпатии сопереживания в животном мире, а также преобладание в архаической ритуальной коммуникации невербальных приемов взаимодействия приводят к предположению о том, что рассмотренная форма интеракции могла являться доминирующей как в «предритуале» животных, так и на ранних этапах формирования человеческого ритуала. Ее дальнейшее исследование представляется весьма актуальным в том числе и с точки зрения межкультурной коммуникации, ввиду того, что эмпатическая интеракция предстает одним из инвариантов невербального человеческого общения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Воронкина М.А. Психологические критерии для систематизации религиозной практики // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Докторские тетради. — СПб.: Книжный дом, 2008. — № 11(75). — С. 166—185.
- [2] Дмитриева Т.Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 11—22.
- [3] Иванов Вяч.Вс. До — Во время — После? (Вместо предисловия) // Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. — М.: Наука. — С. 3—21.
- [4] Иган Дж. Базисная эмпатия как коммуниктивный навык // Журнал практической психологии и психоанализа. — 2000. — № 1. — Январь // <http://psyjournal.ru>
- [5] Канетти Э. Превращение // Проблемы человека в западной философии. — М.: Прогресс, 1988. — С. 483—503.
- [6] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Ю.М. Лотман. Семиосфера. — СПб.: Искусство, 2001. — С. 149—390.
- [7] Мечковская Н.Б. Язык и религия. — М.: Агентство «ФАИР», 1998.
- [8] Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов Ригvedы (ведийская космогония). — М.: Наука, 1968.
- [9] Соссюр де Ф., Шерток Л. Рождение Психоаналитика. От Месмера до Фрейда. — М.: Прогресс, 1991.
- [10] Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. — М.: Восточная литература РАН, 1998.
- [11] Шерток Л. Возвращаясь к проблеме внушения // Бессознательное. Сб. ст. — Новочеркасск: Агентство «Сагуна», 1994. — Т. I. — С. 119—126.
- [12] Шерток Л. Сердце и разум в психоанализе // Бессознательное... — С. 40—50.
- [13] Hoens D.J. Šanti I. Thesis. Utrecht: University of Utrecht, 1951. — P. 271—272.
- [14] Rogers C.R. Empathic: an unappreciated way of being // The Counseling Psychologist. — 1975. — V. 5. — N 2. — P. 2—10.
- [15] Schmidt H.P. The Origin of Ahimsa // Melanges d'indianisme à la mémoire de L. Renou. — P.: Editions E. de Boccard, 1968. — P. 623—655.

SPECIFICITY OF COMMUNICATION IN ARCHAIC RITE

M.A. Voronkina

Linguistics and Foreign Languages Department
Rostov branch of Russian academy of Justice
Lenin ave., 66, Rostov-on-Don, Russia, 344038

The article is devoted to some peculiarities of nonverbal affective interaction in the space of archaic rite that is communicative in its nature.

Key words: archaic rite, communicative act, empathic interaction, illocution, perlocution.